

Алекс Грас

18+

Катъка

Тридцать восемь историй о любви

Алекс Грас

**Катя. Тридцать
восемь историй о любви**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грас А.

Катька. Тридцать восемь историй о любви / А. Грас — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В этой книжке почти всегда светит солнце, а если идёт дождь – его можно переждать на печке. Рассказчик и Катька – двоюродная сестра - встречаются обычно летом, на даче. Их детство, как и книга – череда коротких историй: иногда смешных, иногда сквозь слёзы. Это история о страхах, торфяных болотах и о волшебной силе слёз. О детском соперничестве, подкреплённом взрослыми пересудами. Меряться оценками, игрушками и днями, проведёнными в больнице, количеством родительского алкоголя и качеством пойманных ящериц – к чему приводит такая привычка? В чём-то похожие друг на друга, а в чём-то невероятно разные, Катька и её сестра будут расти, меняться, проживать необходимость быть вместе и завоёвывать желание быть по отдельности. Даже если вы никогда не соперничали с сёстрами, не дрессировали кур и не думали, что ваша бабушка – инопланетянин, вы найдёте в каком-то из рассказов себя. Маленького, смелого, умного, чуткого и очень любящего. Этого себя вам непременно захочется обнять. Обнимите же.

© Грас А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Про то, как я не стала Тимуром.	12
Про липу и детей подземелья	24
Про ягоды средней полосы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Про череп, дохлых жуков и хорошую девочку Катю.

Однажды в детстве мне сказали, что к нам снова едет хорошая девочка Катя. Для меня – просто Катка. Моя двоюродная сестра.

Между нами было ничего.

Такое, знаете, зубастое ничего, оно бывает между детьми, которых свели взрослые со словами "вот тебе хорошая девочка на два месяца, вы будете спать в одной кровати и подружитесь. Покажи ей свою коллекцию дохлых жуков, крыло голубя и домик на дереве".

Катке говорили, что хорошая девочка Саша уже прочитала все книги дома и у соседей.

Мне говорили, что хорошая девочка Катя выше всех развлечений ценит возможность постирать свои платья и помыть посуду за всеми членами семьи.

Предчувствуя очередное весёлое лето "не-ходи-с-Катей-на-озеро-она-утонет-не-бери-Катю-в-лес-она-боится-выкинь-дохлых-жуков-Катя-плачет" я поняла, что нужно что-то решать.

Кругосветное путешествие провалилось: на меня наступали соседи.

Направляясь в сторону леса с рюкзаком, в дедушкиной шляпе и с его же большой палкой, я была слишком очевидна.

Оставалось сделать так, чтобы Катка сама захотела домой. Кажется, в предыдущие годы ей было со мной слишком весело.

Я не придумала ничего умнее, как из большого листа плотной белой бумаги – дедушка припас, воздушного змея с нами, дурами, делать – вырезать большой череп с клыками и намазать его дедушкиной же светящейся краской.

План был такой: хорошая девочка Катя выходит из машины.

Из ниоткуда, прикрепленный леской к верхушке разлапистой сливы у калитки, медленно и тихо спускается череп.

Хорошую девочку Катю засасывает обратно в машину и она не приезжает больше никогда.

Я вооружилась иллюстрированной книгой о вампирах и принялась за дело.

Дохлые жуки тихо наблюдали и сочувственно качали головами.

К вечеру третьего дня я убрала лишнее со второго клыка и отошла подальше – гордо взглянуть на свою работу.

Смотря прямо в самую нутрь меня пустыми светящимися глазами, на меня надвигался череп.

Мне стало так страшно, как прежде никогда.

Я запрятала своё жуткое творчество на чердак и следующие несколько ночей не ходила в туалет. Туалет был в саду, а в сад выходило чердачное окно, и я знала, что череп подлетает к нему и ждёт, ждёт, пока ветер распахнёт болтающуюся створку, чтобы тогда...

Днём всё было в порядке. Я смущённо рассматривала так напугавший меня лист бумаги и думала о том, какой же эффект он произведёт на трусиху Катьку.

И вот – этот вечер настал.

Всё было готово; череп – уже начавший делать мне страшно – надёжно связан леской с макушкой сливы. Я тихо спускаюсь с дерева и слышу, как дедушка переговаривается через забор с соседями, у которых есть телефон. Он говорит: "Ох, значит, Катя не приедет, как жалко".

А череп – там, он прячется в густых ветках, он светит глазами, а его клыки насквозь пробивают листья, и у него уже отрастают крылья, и он летит, летит...

Как же я орала.

Все думали, что я расстроена неприездом Катьки, утешали меня.

А я орала, рвала и комкала этот чёртов череп, я пинала его ногами и втаптывала в грязь, я прижала к себе противный коричневый комок остатков и закинула его в печку, где он и сгорел на следующий день.

Но ещё долго, до конца лета или даже до начала следующего, я не садилась спиной к печке.

Потому что знала: он там, прячется в белом пепле, он светится в темноте. Он смог навсегда напугать Катьку, даже не показываясь ей на глаза. И стоит только отвернуться... .

Родная кровь

«Всё-таки родная кровь», – говорит дедушка.

Когда мы в очередной раз дерёмся с Катькой.

Когда я кричу, что не хочу никаких гостей.

Когда нужно поехать к Катьке, помочь Катьке.

Когда я говорю, что нет, не общаемся, нет, не хочу.

Когда я говорю, что зачем-то ей написала.

Когда я говорю, что мы встретились и у меня как будто крылья.

В детстве я его не очень понимала, но в одном он был прав: крови в наших с Катькой отношениях полным-полно. Мы царапаем друг друга и кусаемся – шрам на предплечье у меня, отпе-

чатки зубов на щеке Катьки. Мы падаем с деревьев, застреваем в брёвнах, разбиваем коленки о кирпичи – в тот год ни у кого в деревне не было кирпичей, но мы нашли. Мы выбиваем друг другу зубы – по обоюдному согласию и не очень – а в те дни, когда вдруг ничего кровавого не происходит, рисуем себе кетчупом страшные раны – красный цвет привычен.

С него началась вся наша история.

Мне четыре года, Катьке пять. Мы на лужайке у дома. Лужайку совсем недавно наши родители оформили, как в модном журнале: привезли несколько валунов и сложили каменную горку в самом центре. Посадили пару вьюнков, и они уже ползут по камням вверх. Взрослые говорят: красиво. И: лазить на горку нельзя.

Если так подумать, нельзя ничего. Начало июня, мы ещё не переехали в деревню окончательно, все мои игрушки остались в городе. Там же и кавказская овчарка Лана. За калитку выходить нельзя. На пруд нельзя. Соседям мешать нельзя. Поэтому мы просто сидим на лужайке из модного журнала и думаем, как бы развлечься. Или это я думаю, а Катька просто сидит? У неё всегда отлично получалось просто сидеть, я так до сих пор не научилась.

Я вскакиваю на ноги. Придумала. Я – самолёт! Развожу руки в стороны и тихо-тихо (окна веранды выходят на лужайку, а шуметь нам тоже нельзя) захожу на первый круг. Я -самолёт. Я разгоняюсь, я тихонечко поднимаюсь в воздух; выше, выше, я уже касаюсь коленками макушки яблонь, мне щекотно и смешно...

«Ушли», – констатирует факт Катька. Она так себе самолёт, но вот сидеть и констатировать факты у неё получается прекрасно. Самолёт остановился, я прислушиваюсь: скрипят ступеньки на заднем дворе. Взрослые спускаются в гараж. Оттуда нас не слышно. Можно бегать и кричать.

Я – самолёт! Нет, я – большая птица! Нет, я просто я, мне смешно, мне громко, АААААААА – я нарезаю круги по лужайке и ору что есть мочи.

«Голова закружится», – опять Катька. Самолёт остановился.

«Ничего не закружится. Я сколько хочешь могу так бегать. Я вообще всё что хочешь могу. Даже гвозди есть! И ничего мне не будет».

«Гвозди есть, – задумчиво протягивает Катька. – Ты как бобр. Они тоже всё подряд могут есть. Значит, прозвище у тебя такое будет: бобр».

Я не знаю, что такое «прозвище», но бобр мне нравится. Бобр – моё любимое слово на детском плакате с алфавитом. Б – Бобр! Самолёт разгоняется. Набирает высоту. Я кричу: «Бооооообр!». И ещё громче: «Боооооооообр!». А ещё громче получится? Буква «о» какая-то негромкая, «а» получается кричать лучше, буду кричать «Аист», это тоже слово с плаката. Или лучше просто: АААААААААААА. Я нарезаю круги, быстрее, ещё быстрее, меньше, больше; сандалии цепляются друг за дружку, но мне это абсолютно не мешает, я бегу, бегу, ещё один круг, ещё, ещё..... бум!

Самолёт приземляется лбом прямо на каменную горку.

Я медленно встаю. Мне не больно. Лицо какое-то горячее и мокрое. Высовываю язык, касаюсь щеки. Солёная. Касаюсь другой щеки. Тоже. Мокрое затекает в воротник футболки, противно.

«У тебя кровь», – говорит Катка. Я медленно двигаю головой туда-сюда. Всё такое мягкое вокруг. Ха. Ха-ха.

Кажется, кто-то идёт.

«Ну как вы тут, играете? Скоро домой поедem», – это бабушка. – «Саша, ты что делаешь?».

Я медленно поворачиваюсь. Вижу большие-пребольшие бабушкины глаза. Слышу дедушкино: «Ну что за ребёнок».

Слышу Каткино «У тебя кровь».

Слышу Каткино «У тебя кровь».

Мне восемь и я полезла за колокольчиком. У нас в деревне есть такое специальное место, свалка, где раз в год растут большие колокольчики. Огромные. С кулак. Обычных, мелких колокольчиков, полно везде, но они никого не интересуют. Даже кроликам их не скормишь – горькие. А вот эти, огромные, красивые, нежно-лиловые... ах, какие из них получаются букеты. Ах, как потрясающе они смотрятся в венках из ромашек! Можно ходить по деревне и покачивать головой, и торчащий из венка колокольчик будет покачиваться в такт.

Моё любимое число – семь. У меня семь колокольчиков.

Катке нравится число девять. Колокольчиков у неё восемь. Этот год какой-то неурожайный. Жимолости не было. Ландышей тоже. Теперь ещё и колокольчиков нет, раньше их каждый день охапками таскали.

Катка недовольно смотрит на колокольчики. Сейчас расплачется. У неё так бывает: придумала себе девять колокольчиков и всё, надо, чтобы девять. У меня тоже так бывает, но не сегодня. Сегодня у меня всё есть и я готова спасти Катку. Или это я себя так спасаю? Расплачется – проблем не оберешься, бабушка опять решит, что я её обидела. Будет мне выговаривать потом – Катя у нас в гостях, Кате нужно уступить...

Я оглядываюсь по сторонам. Колокольчиков нет. Но вон там, подальше, за ржавым остовом автомобиля... Туда мы ещё не забирались, по свалке не очень удобно ходить. Повсюду битое стекло, трубы и просто мусор. Много заросло травой, неизвестно, во что там можно вляпаться. Кстати, на свалку нам лазить нельзя, я уже говорила?

Теперь мне уже и самой интересно посмотреть, что там, за автомобилем. Катка со мной не полезет, это понятно. Ладно, говорю, тут постой, если что – кричи.

Начинаю аккуратно пробираться через заросли. Ого, холодильник. А это что такое? Фуу, похоже на мёртвую птицу.

Голова куклы. Осколки посуды. Плита без дверцы. Какие-то мешки. Под ногами песок вперемешку со щёбёнкой; камни, непонятные железки. Вот я и пробралась в дальний угол свалки, вот и ничего страшного. И колокольчик тут не один, их много.

Машу Катьке – иди сюда! Она отмахивается. Тьфу, зануда. Ладно, рву колокольчики и вылезая отсюда. Катьке – один, и мне ... ещё один? Или мне не надо, у меня ведь уже есть семь, эти пусть растут, потом сорву? Я тянусь за колокольчиком, балансируя на бетонной плите, тянусь, тянусь и Шлёп – не удержала равновесие, плюхнулась на коленки в песок. Колокольчик в левой руке; ладонью правой упёрлась в какой-то ржавый трос. Рука грязная и болит. Нужно выбираться отсюда, да побыстрее. Соседи с дороги увидят – нажалуются.

«На вот», – сую Катьке колокольчик. – «Там ещё много, завтра давай вместе сходим».

«У тебя кровь», – говорит Катька.

Я опускаю глаза и вижу пятна на кремовых бриджах. Дедушка дальновидно предлагал купить чёрные, но я выпросила такие – летом в чёрном жарко. Теперь все бриджи в бурых пятнах. Их становится всё больше. Кровь капает на сандалии, колокольчики тоже в крови. На руке глубокий порез.

Идти домой и признаваться? Опять скажут за калитку не выходить.

К таким ситуациям я уже подготовлена. В потайном ящике стола у меня собрана целая аптечка: в течение года таскала у взрослых то одно, то другое. Отправляю Катьку за бинтами; иду на пруд стирать бриджи.

В июле у взрослых много работы в саду. Обед нам оставляют на столе; ужин можно и пропустить. Мне удаётся скрывать порез на руке целых три дня, а после этого на вопрос «что у тебя там» я отделяюсь обычным «не знаю, поцарапалась».

И только бриджи приходится спрятать в лесном тайнике: кровь с них не отстирывается. Я делаю грустное лицо: потеряла. Очень жалко. Любимые бриджи были. Сигнализирую Катьке: молчи.

«У тебя кровь», – одними губами говорит Катька.

Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не рассмеяться.

На следующий день мы достанем бриджи из тайника и, по очереди их надевая, пойдём кататься по склону песчаного карьера: сто метров вниз, юхххуу!

Делать это было строго-настрого запрещено.

Нарушителей взрослые распознавали по густо-коричневому песчаному цвету штанов сзади – песок не отстирывался.

Но у нас теперь были бриджи.

Ларингит и сальмонелла

Мы с Катькой всё время как будто соревновались – у кого веселее. У кого больше. У кого интереснее. У кого хуже.

У меня папа есть. А у меня зато два дедушки. Я на море на две недели еду. А я – на месяц! Мне плавательный круг купили. А мне – нарукавники! И вообще, у меня ещё надувной матрас есть. В нём всего две дырки и сдувается он медленно, доплыть можно до середины пруда и обратно. Ну и что, что матрас, вот я в больнице была две недели. А я – четыре!

Соревноваться болезнями мы начали в раннем детстве, когда ещё даже не были знакомы. Я опрокинула на себя турку с бабушкиными кофе. Помню, что было больно. Врачей не помню, хотя взрослые говорят, что вызвали скорую и я плакала от страха перед врачами сильнее, чем от ожога.

Позже, когда научилась читать, перебирала справки: 20% поверхности тела. Это звучало гордо.

Через несколько дней Катька изучала устойчивость кастрюль на плите и опрокинула на себя ковшик с молоком. «А у меня в детстве – двадцать пять процентов было!», – иногда любила напомнить она.

Когда Катьке исполнилось четыре, она подхватила сальмонеллёз. Где и как – никто не знал; но в больнице сказали – изолировать. Уже будучи взрослой, Катька вспоминала, как держится за решетку перил на лестнице и плачет. Родители быстро уходят, и, кажется, плачут тоже.

В четыре с половиной года я простудилась. Ничего особенного, лежала дома, играла в игрушки, пила чай с малиной – до тех пор, пока не стала задыхаться. В скорой сказали – пока врачи едут, включить душ и поливать холодной водой. Не знаю, чего я испугалась больше: того, что не могла дышать, или того, что мне было холодно, невероятно холодно, я просила взрослых перестать держать меня в этой ужасно холодной ванной, но это длилось, длилось.

Меня забрали в больницу; в палате я была одна. Навещать меня разрешалось в окошечко. Несколько дней я смотрела на головы взрослых в этом окошечке, а по ночам мне снилось, что взрослых уже нет, остались только их головы, ужасные оторванные головы с лицами близких людей.

«Повезло тебе, – говорила Катька. – Нас в палате двое было. Мне родители карандаши передали и раскраску. Та другая была старше меня, я сяду рисовать – а она у меня карандаши отбирает и к себе прячет. Что смотришь, сейчас я тебя навалюю, говорит. Я боялась. Так и не порисовала, родители потом удивились – раскраска чистой осталась. И родителей я даже в окошечко не видела, им не разрешали на меня смотреть. Говорили, что если я увижу – расстраиваться буду».

Я не считала, что мне повезло. Никакие игрушки не передали. Я часами складывала по-всякому коричневое колючее одеяло, представляя в его складках то пустыню, то лес, то горы.

«Чего ворочаешься, болит что?», – заглядывает больничная нянька.

Мотаю головой.

«Ну и лежи себе спокойно, раз так», – дверь захлопывается.

Вечером не могу уснуть, неуютно. Одеядо короткое, спрячусь с головой – мёрзнут ноги. Накрою ноги – голова торчит, фонарь под окном светит прямо в глаза. Я выбирала закрыть голову, а ноги мёрзли, и я тёрла одну об другую, тёрла – и засыпала. О том, что эта привычка – потирать ноги друг об дружку перед сном – дожила со мной до взрослого возраста, я узнала, когда завела кота. Он очень заинтересовался шевелящимися под одеялом существами и каждый вечер пытался на них охотиться. Я поняла и перестала. Засыпать в первые недели было сложно.

Соревновались мы и в том, чего с нами ещё не случилось: кто первый что-нибудь ломает. Во дворе, в деревне, в школе постоянно у кого-то был гипс. Чаще всего ломали руки. Тем, кто умудрялся сломать правую руку (знакомых левшей у нас не водилось) завидовали – им разрешалось не писать, в том числе и контрольные. Над теми, кто ломал левую, неизбежно подтрунивали – никакой пользы от этого гипса, писать всё равно приходится. На гипсах рисовали, на них оставляли подписи, в них ковыряли дырочки, под них подсовывали линейки разной толщины – у кого какая влезет.

Мы с Каткой всё никак не могли себе чего-нибудь сломать. Если так подумать, мне не очень-то и хотелось: кто-то говорил, что это очень больно, а кто-то – что не больно, но противный треск кости вспоминается до сих пор. Но вот это «спорим, у меня первой будет гипс» нет-нет да и всплывало в наших разговорах.

Мы стали взрослыми. Я обзавелась парой сотрясений мозга и повредила спину, а Катка – палец ноги, но гипс ни одной из нас не полагался.

Ну что, кто первый?

Про то, как я не стала Тимуром.

Я люблю читать. Эпопея читателя началась в три года не совсем с книг, подходящих возрасту. «Научили на свою голову», – бурчали взрослые Дома считали, что много читать – вредно для глаз, поэтому детские книжки прятались и выдавались редко.

Я довольствовалась тем, что могла найти. Иногда приходилось ограничиваться этикеткой туалетного освежителя на казахском языке; но летом в деревне везло больше.

Я с удовольствием изучала журналы, разложенные у печки – на растопку. Моими хитами были "Приусадебное хозяйство" (хочешь завести кур? Уток, гусей, коз? Спроси меня, как!), «Смена» и «Иностранная литература». Там попадалось интересненькое, например, "Парфюмер" Зюскинда или статья о статистике детских самоубийств в Париже: капроновые колготки на решётке кровати, как сейчас помню.

Читала я всегда быстро. Этот навык тоже родом из детства, потому что появляющиеся из ниоткуда взрослые могли выхватить у меня из-под носа журнал, в котором я только-только прочитала: "Есть две вещи, которые вы должны узнать обо мне немедленно. Первая – я красивая, вторая – вчера я убила человека по имени Джеральд Фокс".

Однажды – идеальное время для всех любителей печатного слова – дождь шёл неделю без перерыва. Куры намокли и впали в спячку. Одуванчики закрылись навсегда. «Иностранная литература» закончилась.

Подборка "Приусадебного хозяйства" у печки отсырела, в инструкции по прививанию картошки к яблоням было видно от силы каждое третье слово. Я придумала вставлять вместо расплывшихся пятен слово "какашка" и какое-то время смеялась над предложениями типа "Эта какашка предполагает соединение какашкой подвоя одного дерева с побегими или же какашками другого", но это быстро надоело. И вдруг, первый раз за несколько дней, дали электричество.

Телевизор включился на фильме "Тимур и его команда". Я влипла в экран. Идеи для будущих развлечений так и забегали перед глазами. Нужно было срочно найти козу, кирпичи, немощных бабушек и красивую девочку Женьку. Но перед этим... Черт, даже бабушки и коза не помогут, если не умеешь так прыгать через забор, как Тимур, поняла я. Тренироваться. Немедленно.

Я всегда была человеком решительным, сказано – сделано. Я вылетела за дверь. Полетела к забору, к самой высокой его части. Разогналась. Подтянулась.

Дождь шёл уже неделю без перерыва. Толстое дерево забора пропиталось влагой. Резиновые сапоги на три размера больше грустно скользнули по перекладине и я повисла, застряла пузом в острых пиках забора, которые отлично отпугивали чужих.

Через три дня приехали гости. Привезли мне заграничный белый сарафан с яркими бабочками на плече: синей, жёлтой и красной. Где-то дома есть фотография довольных гостей и надутой меня. Из-под лямки сарафана поперёк меня вьется перемазанная йодом багровая полоса.

Шрам пропал годам к четырнадцати. Но если как следует приглядеться, и сейчас можно увидеть надпись "Тимур из неё не вышел". Подпись: "Забор".

Дома так никто и не понял, зачем этот начитанный и вроде умный, но, кажется, совершенно чокнутый ребёнок решил перелезть через калитку, когда её можно было просто открыть.

Сарафан я носить не стала. Его отдали Катьке. Это был первый раз, когда мои вещи доставались ей, а не наоборот.

Про уток, кроликов и Кунсткамеру

У окна стоит стол. Над столом нависает подоконник. К подоконнику приклеены фотографии. Я смотрю на них каждый раз, когда задумываюсь и перестаю писать. На одной из фотографий яблоня. Под яблоней огромная – дереву по пояс – Катька. Рядом с Катькой огромный – Катьке по пояс – утк Васька. У Катьки летучие русые волосы и белый сарафан с бабочками на плече. У Васьки перья отливают синим, а в глазу блестит солнце.

В тот год в деревне все заводили уток. Уток обсуждали и в очереди в магазин (газелька приезжала раз в неделю), и на покосе, и на большом пруду. Поговаривали, что нет от них никакой пользы, яйца невкусные, а мяса мало; но все равно покупали.

Появились утки и у нас: большая корзина с пищащими черно-желтыми комочками. Пользы от них действительно не было, сплошные заботы – например, они совсем не умели есть. Каждый день бабушка, склонившись над корзиной, крошила вареные яйца и сыпала на спинки этим будущим птицам. Птицы дрались, кричали и требовали еще.

На удивление быстро они подросли, стали важными, серьезными и выучились ходить гуськом. Мне, кстати, было непонятно, почему утки ходят гуськом, они же не гуси. Но взрослые не особо стремились мне это объяснять: предлагали не задавать глупых вопросов и смотреть внимательно. Так что я честно смотрела на то, как утки ходят гуськом. Впереди переваливался толстенький черный утк, а за ним шесть пятнисто-бежевых девочек. Они раз узнали, что в конце участка находится пруд, и каждое утро после завтрака топали к воде. Сумерек они боялись, но вернуться домой вовремя не умели. Дедушка, вооружившись фонариком, каждый вечер искал дрожащих уток, прячущихся по жидким кустам.

К июлю их осталось всего четверо, остальных унёс коршун. Вообще-то я должна была смотреть за утками и, если что, громко кричать, чтобы он улетел; но я оба раза не смогла издать ни звука. Мне почему-то казалось, что коршун может унести заодно и меня.

К середине августа двое умерли от какой-то утиной болезни; третьего съел кот.

Он остался один: Васька. Огромный, черный и гордый, он накрепко привязался к людям. Видимо, считая нас тоже утками, он повсюду ходил следом и везде совал свой любопытный желтый клюв. В дом Ваську не пускали; он обижался. Если все уходило с улицы, Васька занимал позицию на крыльце и кричал – нет, он не крякал, он одурающе громко кричал – до тех самых пор, куда кто-нибудь снова не выходил во двор.

Катька приехала в гости на выходные и с Васькой они быстро подружились. Мы играли втроём: ходили на пруд и обратно, играли в салочки между грядок (бабушкины огурцы жмурились от страха и вжимались в землю) и в прятки в кустах. Перед отъездом быстрое фото под яблоней – на память. Пока, Васька, шептала Катька в большой умный глаз. Поиграем следующим летом.

«Поехали скорее, темнеет», – торопил дедушка, не любивший сентиментальность и фотографии. «Пётр-Павел – на час день убавил», – отозвалась бабушка из кухни. Так привычно, уютно, по-летнему.

Как раз в тот год я начала осознавать, что всё заканчивается. Что куры, которых я в июле приучила кланяться по команде – совсем не те куры, которые встретят меня в мае. Что соседский козлёнок, с которым я пыталась играть в футбол, в следующем июне не будет ждать у меня у калитки. Что я не увижу, как вырастут поросята из дома напротив. Что следующим летом мы с Васькой не поиграем.

Говорить Катьке я об этом не стала.

В августе на изрядно подросшего Ваську напал кот. Зацепил когтями за шею. У Васьки пропал голос. Он всё так же ходил за нами хвостиком, но кричать на крыльце больше не мог.

Вытащили лук. Он лежал на грядках, подсыхая, сворачиваясь желтыми краешками перьев к серединке; становясь меньше, тоньше. Роса по ночам обжигала помидорные кусты, оставляя на листьях тёмные пятна. Почти каждый день мы ели на ужин молодую картошку, которую не нужно было чистить, а дедушка пригнал из города большую «Ниву» – чтобы мы все могли перебраться домой вместе с яблоками и луком, чесноком и помидорами, огуречными банками и гладиолусами – в подарок соседке.

В первый день осени я проснулась очень рано. Дома никого не было. Я выбежала на улицу – в пижаме и босиком. Пальцы ног обжигало холодом, но я любила этот холод и стояла, не замечая, что пижамные штаны намокли почти до колен. Меня почему-то не ждал Васька, хоть он обычно и выходил в сад раньше всех.

Я посмотрела по сторонам и увидела на широком пне у забора спящую Васькину голову.

«Говорила я тебе, что она встанет, – поднялась от картофельной грядки, потирая поясницу, бабушка. – Убрал бы что ли!».

«Ну а чего, – отозвался из-за крыльца дедушка. – В деревне живём. Вот, знаешь что, хочешь поиграть? Возьми».

Он протянул мне Васькины крылья, иссиня-чёрные, с парой белых перьев на кончиках.

Я взяла.

Они показались мне тёплыми.

Мы с Катькой играли Васькиными крыльями два лета. Они становились всё легче, невесомее, чуднее. Легче и невесомее становился и Васька, пропадая из наших воспоминаний.

«Вам ещё надо? А то давайте я заберу», – предложил дедушка как-то утром. – «Ими шесток у печки хорошо подметать. Вам потом найду другие игрушки».

Другие игрушки появились в августе. Но сначала – в июне – кроликов звали Танюшка-один и Танюшка-два. Мы гуляли с ними по саду – на самодельных поводках из прыгалок. Проверяли, умеют ли они плавать – в бочке с дождевой водой. Собирали для них бесконечный подорожник и одуванчики.

В конце лета лапки и хвостики кроликов мы засолили в трёхлитровой банке: играли в Кунсткамеру.

От жаркого из кролика следующей зимой я наотрез отказалась.
Про эксперименты над комарами и чудеса дрессировки
С домашними животными нам с Катькой одинаково не везло. Так было всегда.

Ещё до моего рождения дома появилась Лана: кавказская овчарка. Смешной лохматый щенок вырос в огромную собаку с характером. Она не давала спуску не только соседям, но и дедушке: например, запомнила, в какое время он обычно приходит домой с работы, и если он вдруг появлялся раньше, рычала, улегшись поперёк двери – не пускала. Несмотря на все её странности, размер и характер, ко мне она относилась, как к собственному щенку: оставшись со мной в одной комнате, без взрослых, тщательно оберегала, отгоняла от балконной двери и острых углов стола. Я пробовала ездить на Лане верхом; настойчиво пихала ей под нос кастрюльку с супом из еловых веточек; вцеплялась мёртвой хваткой в Ланин пушистый хвост. «Как цапнет тебя – будешь знать!», – говорили взрослые. Я знала, что не цапнет. В самом худшем случае – редко-редко – уставшая Лана пряталась от меня за диваном. Там я не могла достать её, даже перевешиваясь через спинку. Взаимопонимание наступило ближе к школе – я больше не дёргала Лану за хвост и не вцеплялась в уши; я учила её выть по команде и бегать по самодельной полосе препятствий. Я уже представляла себя на шоу «Я и моя собака», как вдруг однажды, вернувшись из школы, Лану дома не застала. Дедушке стало тяжело дважды в день выгуливать активную собаку; больше дома заниматься Ланой никто не хотел. Она скучала и проказничала в квартире, после чего её отдали знакомым – сторожить гаражи. Расстроенная бабушка ещё несколько месяцев варила Лане специальные супы. Дедушка исправно относил новым хозяевам Ланы полные трёхлитровые банки, пока однажды не сказал: «Не могу больше. Воет. Она каждый раз так воет, когда я ухожу. Скучает. Нельзя так. Кавказцы – они такие. Ещё глядишь, набросится на меня в следующий раз. Это же как предательство для них».

Я тоже скучала по Лане и ужасно жалела, что не могу раз – и стать взрослой. Уж я бы точно выгуливала её, и на площадку ходила бы тоже, и на собачьи курсы.

На следующий год я подружилась с Акобиром, он работал на стройке. Им кто-то подкинул щенка и он стал наш общий – мой и Акобира. Мы назвали его Медвежка и учили трюкам – в те дни, когда у меня не было музыкальной школы. В тепло натопленной бытовке Акобира, где он жил вместе с четырьмя братьями, Медвежка учился давать лапу, сидеть, лежать и приносить свою миску. Но стройка закончилась и Медвежка, ещё даже не научившись команде «Голос», уехал вместе с Акобиром в Таджикистан. Опять не повезло.

А я ведь так хотела стать дрессировщицей, что даже пыталась сманить в профессию Катьку – за компанию.

«Вот смотри, – говорила я, – устроим шоу (Катька кривилась). Дрессированные животные нашей деревни (Катька вздыхала). Всех пригласим (Катька задумчиво ковырялась в носу). Билеты будем продавать и много денег заработаем (Катька прислушалась)».

Перспектива заработать много денег была заманчивой.

«Пополам поделим?», – уточнила она.

«А то», – пообещала я, уже подумывая о том, как бы спрятать часть дохода, а оставшееся честно поделить пополам.

И Катка согласилась.

«Шоу! Дрессированные! Животные! В августе! Приходите! Недорого!», – мы повесили плакат на деревянную доску объявлений и взялись за подготовку.

«Заяц барабанит передними лапами, а кролик постукивает задней, – вычитывала я в инструкции для юных дрессировщиков. – То есть можно научить кролика задней лапой стучать в дверь!».

Кролики были не слишком разумны и дрессировке не поддавались. Катке быстро надоело; да и мне, впрочем, тоже. Зайца бы где достать. Дедушка говорит, он их в лесу видел.

«Деда, а поймай зайца!», – ластится Катка.

«Зачем тебе?».

Катка знает, что дрессировку дедушка не одобряет: «Посмотреть!».

«Чего там смотреть, зайцев не видела? Летом их не ловят, мясо невкусное».

Через несколько дней дедушка кричит нам во двор: «Кто там зайца хотел посмотреть? Я привёз».

«Нашёл, чем хвастаться!», – бабушка чем-то недовольна. – «Дверь закрой, мухи нале-
тят».

Заяц! Мы наперегонки мчимся к сням. Ничего особенного не слышно. И не видно. Где заяц-то?

«Да вот!», – машет рукой дедушка.

На столе лежит что-то большое и серое. Вокруг него раздраженно суетится бабушка, словно не знает, с чего начать.

«Посмотрели? Ну вот. Он под машину мне прыгнул, глупый. Ну я подумал – чего оставлять, пригодится, да, мать? На котлеты вон пустим, заморозим»

«Котлеты», – бабушка приподнимает задние лапы зайца над столом. Мы уже окончательно поняли, что мёртвого зайца ничему не научим, и тихонько пятимся к выходу. – «Сам притащил – сам и крути свои котлеты, зла на тебя не хватает!».

«Ну мать», – защищается дедушка в тот момент, когда за нами захлопывается дверь.

«Куры, – не сдавалась я, – давай научим чему-нибудь кур!».

Куры пытались сбежать, но курятник был маленький. За месяц тренировок они привыкли сидеть у меня на руках: по три штуки на каждой. Интереснее было бы научить их сидеть на

голове, но на моей голове им было абсолютно не за что держаться. Решили попробовать Катькину.

Волос у Катьки на голове всегда было много, не то что у меня. Курица почувствовала себя уютно и начала искать червей. Катька орала так, что от страха всем остальным курам отшибло память и учить их садиться на руки пришлось заново.

Соседская собака более-менее играла с нами в футбол, но это было не так интересно – вот если бы организовать целую футбольную команду, но где найти такое количество собак?

Козу мы пытались научить решать арифметические задачки – в книжке был такой номер, в котором коза бьёт копытом по табличке с правильным ответом. Копытом коза была хорошо, но иногда по пальцам. И придётся для выступления просить козу у соседей, может, те не разрешат – тренировались мы втихаря.

«Морские свинки, – загорелась я, – можно сделать номер с морскими свинками! Нужно только найти хотя бы одну».

«В зоомагазине продают. Только родители не согласятся. Ладно, сделаем так: я тебе карманные деньги свои отдам, ты свинку купишь вместе с клеткой и подаришь мне на день рождения».

Догадались ли родители о нашем сговоре или нет, я не знаю до сих пор, но привозить в деревню свинку Катьке не разрешили. Через несколько лет, так и не обучившись трюкам, бедняга умерла от неизвестной свиной болезни.

«Давай лучше черепаху научим», – предложила Катька.

«Черепаху ничему научить нельзя», – рационально предполагала я.

«Зато ей можно панцирь красками разрисовать и перед шоу выпускать ползать, чтобы все посмеялись», – Катька всегда любила творчество.

Мы насобирали карманных денег и купили черепаху у соседа. Дома никто не возражал – черепаха сидела тихо, питалась капустой и никого не трогала. Иногда её нужно было купать, а после этого втирать в сухие черепашьи лапки детский крем. Мне нравился его запах и запах черепахи. Правда, панцирь раскрасить не получилось – на нём не держались краски. Кто-то из друзей рассказывал, что панцирь черепахи сзади можно так заточить, чтобы она царапала гостей, но до этого дело не дошло.

Мы с Катькой и её родителями поехали на неделю на море, а, вернувшись в деревню, черепахи не обнаружили.

«А, эта, – долго чесал в затылке дедушка. – Ну я её.. того.. в город в зоомагазин отнёс. Скреблась сильно громко, надоела».

Август приближался. Программа шоу была пока не очень. Мы научили кроликов гулять на поводках. Выбрали Катьке курицу поспокойнее. Выпросили во временное пользование козу. С меланхоличной курицей на голове Катька выглядела очень по-королевски. Коза тоже выглядела по-королевски – особенно когда отказывалась стучать копытом.

Но этого всё равно было мало.

«Вот бы поймать лисёнка», – мечтала я. Мы знали, где в лесу лисья нора. Лисы жили там не каждый год, но несколько раз мы заставляли выводок лисят – их было то трое, то четверо. Я была готова часами наблюдать за тем, как играют на солнце лисьи дети и мне ужасно хотелось, чтобы один такой жил у нас дома; но поставить ловушку я так и не решилась. Хотя дедушка рассказывал: делаешь петлю...

В гости на выходные приехали друзья Катькиных родителей. Привезли с собой собаку: чихуа-хуа. Не лисёнок, конечно, но тоже ничего.

«Может, её в футбол играть научим? С соседским Шариком как раз? Я слышала, гости может задержатся, как раз до шоу».

«Не, – протянула Катька, – они сказали, чтобы мы с собакой очень аккуратно играли. Нельзя в футбол. Потому что её если по голове ударить, у неё глаза вывалятся. Придется тогда их в тряпочку заворачивать и в больницу везти, чтобы обратно вставили».

«Ладно. Тогда у нас будет дрессированный дельфин», – достала свой самый главный козырь я. – «А ты тигром будешь, через обручи прыгать».

И Катька почему-то согласилась.

«Шоу! Дрессированный! Дельфин! И другие животные! Приходите! Завтра! Недорого!». Пришли соседи с собакой и с козой. Пришли родители и их друзья. Пришла наша бабушка и ещё одна бабушка, которая живёт через дорогу. Пришли какие-то дети, мы их раньше не видели.

Я гордо прогуливалась по арене с курами на вытянутых руках. «Может хватит кур-то мучить, нестись не будут», – пробурчал дедушка с первого ряда.

«Тссс», – шикнули родители.

Коза стучала копытом и дважды попала мне по пальцам, но я крепилась.

Курица по плану должна была изящно слететь с Катькиной головы, но вместо этого она так вцепилась в неё когтями, что пришлось её оттуда выпутывать прямо на глазах у изумлённых зрителей.

Собака наотрез отказалась играть с нами в футбол, отвлекаясь на заносчивую чихуа-хуа.

И лишь дельфин с тигром не подвели.

Тигр – потому что он был Катькой. Потрёпанная курицей грива разведалась во время каждого прыжка, добавляя эффектности всему мероприятию.

Ну а дельфин не подвёл потому, что он был лейкой. Он прыгал, кувыркался и поливал зрителей водой. Они не оценили, но нам с Катькой было весело.

Мы заработали кучу денег. Хватило на пакетик чипсов, пачку сушёных кальмаров и пачку сухариков с хреном, вкусотища. Мы съели их прямо на площади – потому что дома такое не разрешалось – и твёрдо порешили: больше никаких животных не дрессировать.

«Будем учёными, – предложила на следующий день Катька. – Дрессировать никого не нужно, только резать и изучать. Учёные режут лягушек и смотрят, что внутри».

Резать лягушек я оказалась не готова, поэтому мы начали с комаров. Катька изучала, а я записывала.

«Комар номер один. Раздражение булавкой. Особенно реагирует на раздражение головы. При раздражении глазок вырвался и улетел без трёх лап.

Комар номер два. Раздражение жидкостями. При погружении в жидкость для снятия лака вырвался и улетел без двух лап. После вскрытия живота продолжал жить сравнительно долго».

Что произошло с комаром номер три и всеми последующими, я не знаю: из тетрадки с нашими лабораторными работами сохранилось только два первых листка. Одно знаю точно: до лягушек мы, к счастью, не добрались.

Про то, как я не поменяла ящерицу на папу

Лепестки яблонь и солнце – Катька делает себе маникюр.

Полосочку белого на мизинец. Побольше, с желтоватым отливом – на безымянный. Вот этот, кругленький, с коричневой дырочкой – на средний. Тоненький прозрачный – на указательный. Я заморожена Катькиной сосредоточенностью: кончик языка высунут, Катька почти не дышит. Теперь нужен лепесток побольше, ну-ка, сорви мне, одной рукой неудобно. Готово. Она изящно приподнимает кисть и разводит пальцы в стороны: пусть просохнет.

«Просохнет? Так давай я тебе подую», – от чистого сердца предлагаю я, и старательно дую на Катькины бело-желто-розоватые ногти. Лепестки разлетаются в разные стороны, как снежные хлопья. Дурища ты! Сама дурища. Пойдём яичницу готовить, что ли.

Яичница – это серый лишайник на яблонях. Мы аккуратно счищаем его пластмассовыми ножиками на большие листья лопухов, жарим на горячих камнях – готово. Кого угощать? Кавказская овчарка Лана от жары спряталась под дом, забралась туда через дырку в фундаменте и знать нас не желает. Выманить её оттуда можно только сыром. Сыр... бабушка не даст. До обеда только если ждать. Долго.

Мы забираемся на кучу тёплых брёвен – их привезли в начале лета, строить баню. Лазить на брёвна нельзя – вот как придавят вас, без ног останетесь – но бабушка на кухне и ей нас не видно. В брёвнах поселились ящерицы и мы собираемся их ловить.

Лучше всего получается у Катки: в удачные дни в её банке копошится по десять штук. Я слишком медленная и за ящерками не успеваю, мне часто достаются одни хвосты.

Вот и сегодня в Каткиной квартирке для ящериц – трёхлитровая банка, лопухи, марлевая сеточка с резинкой вокруг горлышка – уже три жительницы, а у меня – никого.

«Есть! – вскрикивает радостно Катка. И сразу же: «Фууу! Отпустила!».

«Отпустила» на нашем языке значит «отбросила хвост». Ящерица осталась у Катки в руке, а хвост извивается на брёвнах живым обручком. Капли крови, пена – это Катка не любит, и неожиданно кидает бесхвостую ящерицу в меня. Я не успеваю поймать; беглянка скрывается в тени.

Тянусь в сторону, где видна следующая любопытная головка ииии... хлоп! Опять слишком поздно. Я теряю равновесие и царапаю коленку.

Хлоп! – у Катки в банке уже четвёртая.

Вдруг я замечаю в тени кое-что, чего не видит Катка. Не шевелясь и почти сливаясь с бревном, там сидит огромная толстая ящерица. Беременная!

Такие у нас ценятся отдельно. Каждый хочет поймать её и держать в банке до тех пор, пока у неё не появятся дети. Маленькие ящерята. Таких никто из нас никогда не видел, но однажды беременная ящерица поселится у кого-то в банке и ...

Я поднимаю голову. Катка изучает солнечную сторону брёвен и не смотрит на меня. Если она заметит, то, конечно, успеет быстрее. Но беременная ящерица должна быть моей. Катка замечает мой взгляд и оборачивается: «Что?».

«Ничего», – для пушей наглядности я достаю козявку из носа и внимательно её рассматриваю.

«Фу, прекрати!».

Чистюля Катка не любит крови, хвостов, козявок. Это мне сейчас на руку.

Катка отдвинулась от меня подальше.

Я вглядываюсь в тень, вживаюсь в неё, становлюсь её частью. Ящерица меня не видит. Она медленно-медленно закрывает глаз. Мне в этот момент очень интересно посмотреть, закрыт ли и второй глаз, но поймать её важнее. Я смотрю. Смотрю. Смотрю. ХЛОП!

Вот это да. Ящерица у меня в руке. Такая огромная, не умещается, хвост торчит между пальцев, но она его не отбрасывает. Я тянусь к банке... готово! Натягиваю марлю на горлышко и победно улыбаюсь.

«Что там у тебя? Ну-ка покажи».

Катька тут как тут. Она вцепилась в банку и я дёргаю её к себе – отдай, уронишь.

– Ого, – говорит она. – Беременная. Я только посмотрю.

Катька прижимается носом к стеклу. Там ящерица нервно встаёт на задние лапы, пытается выбраться из банки.

– Отдай, уронишь, – повторяю я зачем-то ещё раз, хотя банка уже стоит у меня на коленях.

– Какая красивая, – говорит Катька. – Смотри, пятнышки на спинке.

Я молчу.

– Слушай, можно я её домой возьму? Только до пятницы? В пятницу вечером мы опять приедем.

– Ещё чего. В город с ящерицей. Чем ты её кормить будешь?

– Мух наловлю, – говорит Катька.

– Ну уж нет, она моя.

– Ну пожалуйста! Я тебе ... ну хочешь я тебе свой попрыгунчик дам поиграть?

Попрыгунчик – это мечта. Он большой, почти прозрачный, с блёстками. Он взлетает выше третьего этажа, если как следует стукнуть им об асфальт. Но я держусь.

– Что мне твой попрыгунчик в деревне, тут с ним играть негде.

– Ну пожалуйста! Я тебе... пластилин привезу. У меня новая коробка. Двенадцать цветов!

Пластилин – это интересно. В деревне можно лепить только из глины. Фигурки я обжигаю в печке, там они часто трескаются. Их нужно склеивать перед тем, как красить, а клей есть только у бабушки и даёт он его неохотно...

Я вдруг понимаю, что у меня в банке целый мир. Я могу сделать с ним всё, что захочу. Могу выменять на всё, что угодно. И, кажется, я понимаю, что мне нужно.

– Папу, – говорю я. – Я тебе ящерицу. Насовсем забирай. А ты мне – папу.

– Это как?

– Ну как. Вот у тебя есть папа. А у меня нет. Пусть твой папа будет как будто мой папа.

Катка молчит.

Кажется, сделка не удастся.

– Ну, хотя бы на выходные, – пытаюсь как-то спасти ситуацию я. – Например... по субботам. По воскресеньям это будет твой папа. А по субботам – мой.

Катка молчит.

Молчит.

Молчит.

Потом поднимает глаза и говорит неожиданно серьёзно, без тени обычной насмешки: «Так не получится. Папа у каждого свой должен быть. Мой папа тебе дядя».

Это правда. Каткин папа мне дядя, потому что он брат мамы. Это я знаю. Но, может, это ещё можно как-то поменять?

Ящерица забыта. Я вдруг задумалась о том, откуда люди берут пап.

– Кать, а ты как узнала, что это твой папа?, – спрашиваю я

– Ну как-как, – говорит она. – Он к нам вечером домой приходит и там спит. Ещё со мной играет иногда. И говорит «веди себя хорошо».

Я перебираю в голове всех знакомых, которые когда-то вечером бывали у нас дома. Кто из них оставался дома спать? Я не помню. Обычно я ложусь спать раньше, чем взрослые. Кто из них со мной играл? Кажется, никто. Иногда они приводят с собой своих детей и тогда мы играем вместе. Кто говорил «веди себя хорошо»? Да все так говорят. Особенно когда день рождения.

Вечером, когда Катка уже сопит за стенкой, я решаю написать письмо. Никогда не видела, как взрослые пишут письма, но точно знаю, что для этого нужна специальная бумажка. Взрослая такая.

Я выбираюсь из кровати и роюсь в дедушкином письменном столе. Вот какие-то бумажки, выглядят серьёзно. Я подношу один такой листок к окну – снаружи ещё светло – и разбираю маленькие напечатанные буквы: ТЕ ЛЕ ГРА.... Наверное, подойдёт.

Зелёным фломастером, не умещаясь в напечатанные строчки, я вывожу: ДА РА ГОЙ ПА ПА ЧКА. Больше места на бланке нет. Я переворачиваю его, но «ПА» и «ЧКА» просвечивают с другой стороны, так что больше ничего написать не получится.

Взять второй бланк я не решаюсь. Дедушка не любит, когда мы роемся в его столе.

Я забираюсь в кровать и складываю листок в четыре раза. Прячу его под подушку и закрываю глаза. Я не дописала до конца, но это не страшно, потому что он всё равно всё поймёт. Я ведь только хотела сказать: «Дорогой папочка, приходи, пожалуйста. Я буду вести себя хорошо».

Наутро листок оказывается всё там же – под подушкой. Это не страшно. Если папа приходит вечером, то, наверное, он уже приходил и всё прочитал. И скоро придёт.

Я прячу письмо поглубже в свои игрушки и иду будить Катьку.

Бланк телеграммы я найду через много лет во время переезда.

Тогда я уже выясню, кто папа. Догадаюсь, что моё письмо он не получил.

И буду рада тому, что изобрели WhatsApp.

Правда, в нём иногда всего и не напишешь.

А тогда, давно, на следующее утро мы обнаруживаем, что беременная ящерица из банки пропала. Это уже не первый раз. Мне кажется, дедушка их втихаря выпускает; но он, конечно, не признаётся.

Мы снова идём ловить ящериц, но за весь день Катьке попадает только одна (а мне – ни одной). Мы решаем выяснить, умеет ли Катькина добыча плавать, но после минуты в поилке для коз ящерица не хочет открывать глаза. «Давай искусственное дыхание сделаем», – с энтузиазмом предлагаю я. Каждый вечер я подслушиваю через стенку бабушкин сериал про скорую помощь и давно уже хочу применить знания на практике.

Я дышу, дышу в маленький ящеркин рот, который Катька держит открытым, но ничего не происходит.

«Наверное, заснула», – говорит Катька. – «Не будем мешать».

Про липу и детей подземелья

«Значит, так, – сегодня за завтраком бабушка очень разговорчива и это по умолчанию не сулит ничего хорошего, – будете липу собирать. Две полные корзины чтоб собрали, ясно? И даже не начинайте спорить».

Мы и не пытались. Спорить с бабушкой бесполезно. Загубленный день замаячил на горизонте. Вы знаете, каково это – собирать липу? Ещё и две полные корзины?

Стоишь на эстакаде. Это такие ржавые железные штуки, они стоят у нас перед домом. На них машину можно загонять для того, чтобы отремонтировать. Бабушка говорит, дедушка их у себя на заводе стащил. Я не представляю, как такие огромные железки можно было, во-первых, стащить незаметно, а во-вторых – привезти из Москвы за триста километров к нам в деревню; но подробностями взрослые делиться не хотят.

Стоишь на эстакаде. Лучше всего босиком. Если в сандалиях стоять, в них муравьи заползают и начинают кусаться, не выловишь их оттуда. Босиком на тёплом металле стоять приятно – если с утра успеть. После полудня эстакада нагревается и мы постоянно подпрыгиваем, остужая ноги.

Стоишь на эстакаде. Сверху солнце печёт, жарко. Сбоку соседские козы пристают, им нравится на эстакаду запрыгивать, когда там мы. «А ну пошла», – пищит Катяка. «Пошла, пошла!», – подхватываю я. Козы слушаются только соседа дядю Володю, который их пасёт. К сожалению, он обычно либо курит, либо спит; наши проблемы с козами его не особо интересуют. Одна слишком любопытная коза подцепляет рогом подол Катякиного платья. «Дядьво-лодяяя!», – кричит она. «Что? – из-за старой ветлы в отдалении появляется лохматая голова Дядьволоди. – А ну пошла!».

Козы слушаются, но этого хватит ненадолго; скоро всё повторится.

Стоишь на эстакаде. Сверху солнце. Сбоку козы. Вокруг комары – сколько мазью не мажься, всё равно кусают, чешись потом. И липа. Эта огромная бесконечная липа, и её крохотные цветки, которых даже не видно на широком тёмном дне корзины. А таких корзин нужно две.

Мы в деревне постоянно что-то собирали. Липу. Ромашку: это ещё хуже – её велено обстригать ножницами; от ножниц на пальцах мозоли. Календулу – ноготки. Лепестки роз. Шиповник. Зверобой. Чёрную смородину. Сливы. Яблоки. Созревание этих трав, ягод и плодов делило лето на куски, отмечало его серединку (ноготки) или близость скорого конца (яблоки).

Если бабушка за завтраком говорила «значит, так» – что-то опять созрело и нам предстоит приниматься за работу.

«Как древние люди, – бурчу я. – Как дурацкие древние люди!».

«Мели, Емеля, твоя неделя, чего ещё выдумала».

Бабушке невдомёк, что в груде макулатуры на растопку у печки я недавно нашла старый учебник истории для пятого класса. Теперь я знаю всё про феодалов и про то, что древние люди занимались охотой (как дедушка) и собирательством (как мы). Но от липы это нас не спасёт.

Жёлтые цветки падают на дно корзины. Скучно. Как быстрее собирать? Если бросать в корзину по одному? Или набрать полную горсть – и потом бросать? А, может, сначала собирать вдвоём цветки в одну корзину, а потом – тоже вдвоём – в другую?

Катька не соглашается.

Дурацкая липа. Не люблю липовый чай. Его заваривают, когда болеешь, и нужно пить его, пить без остановки, пока из ушей не потечёт жёлтая сладковатая вода.

Скучно. Жарко. Я читала, если думать про холод, будет легче. Мы пытаемся вспомнить новый год.

– У нас в саду ёлка была, – это Катька. – Я была знаешь кем? Снегурочкой! Вооот в таком длинном платье, мама сшила. Со снежинками такими блестящими и с короной.

– Подумаешь, – фыркаю я. – Я тоже была Снегурочкой. В платье.

Правда, в отличие от Катьки, радости мне эта роль не принесла.

В спектакле мне хотелось играть злого медведя, который притаился под елочкой и грозится Снегурочку, она же заблудившаяся девочка Машенька, сожрать. Тщедушный заморыш с двумя короткими тощими хвостиками на злого медведя не тянул никак. Роль косолапого досталась громкоголосой девочке Жанне, на которую после елки обрушилась вся моя сила мщения. Жаннины игрушки были поломаны и попрятаны по углам, а Жаннины косички изрядно поредали. К лету мы так и не помирились, а осенью увидимся снова и она у меня дождётся.

Впрочем, рассказывать об этом Катьке было бесполезно. Она правда не понимала, как может кто-то добровольно отказаться от Снегурочкиного платья. Это меня злило. Проще было поменять тему, но настроение уже портилось. Я отлично умела портить его себе сама. Вот и сейчас – совершенно некстати вспомнился Катькин день рождения, который был месяц назад.

– Тебе что на день рождения подарили?

– Ну много чего. Куклу большую, которую можно за руку водить и ещё она говорит. Наряды для Барби. Детскую косметику «Маленькая фея». Набор для парикмахера. Ещё кота из Тома-Джерри. Вы мне подарили. – Вообще-то это мне должны были кота подарить.

– Как тебе? У тебя день рождения в декабре.

– Да, но я этого кота хотела. Его заранее купили, он лежал на шкафу, я его видела. Только брать было нельзя, потому что это на день рождения. А потом мне сказали, что его тебе подарят. И подарили. А это мой кот был!

Однажды вечером мне очень хотелось громко петь песни. Взрослые считали, что надо спать, но уговорить меня им не удалось. Тогда они закрыли двери в свои комнаты, а я оста-

лась в коридоре. Петь песни без зрителей было скучно. Я залезла в шкаф с зимней одеждой и вытащила оттуда все шарфы и шапки, ого-го как много их там оказалось! Шарфы я привязала к ручкам дверей, а шапки разбросала по всей квартире. Было ужасно весело. До того самого момента, пока не оказалось, что мой кот отправляется к Катке.

– Я не хотела такого кота, я Тома-Джерри не смотрю. Значит, для меня не стали подарок покупать, а твой подарили! Вот я маме расскажу, она тоже тебе нормальный подарок не купит.

– Вы всё? Побыстрее давайте, сколько можно возиться. Меньше слов, больше дела! – выглядывает в окно бабушка.

Наши корзинки полны лишь до половины. День обещает быть долгим.

Рвём липу. Руки устали, тяжело их всё время поднимать. Нижние ветки уже оборвали, теперь приходится вставать на цыпочки.

«Давай листьев накидаем», – приходит мне в голову ценная мысль. – Листьев побольше, а сверху липу, и сбежим гулять быстренько, пока никто не заметил».

«Точно, – подхватывает Катка. – И травы ещё накидать можно».

Мы активнее, чем раньше, принимаемся за дело. Корзины заполняются в считанные минуты. Отлично! Но что будет, когда бабушка решит пересыпать липу на противни для просушки? Просчитываем варианты.

Придётся собирать липу дальше завтра? Ну, это не страшно, гулять-то хочется сегодня.

Останемся без десерта? Это вряд ли. На десерт у нас почти всегда ягоды, а ягоды – это витамины; бабушка считает, что детям нужны витамины. Значит, ягоды не отберут.

Будет ругаться? Ну, это не страшно, я научилась так немножечко поднимать уши, что они как будто закрываются и бабушку становится хуже слышно.

Крапивой отхлестает? Не думаю. Она только грозитя. На самом деле крапивой нам досталось только один раз, когда мы бросались с заброшенной колокольни пакетами с водой и попали в священника и его жену. Бабушка тогда себе самой сильнее руку обожгла, чем нам ноги, не захочет повторять.

Родителям пожалуется, а они возьмутся за ремень? Так тоже только один раз было; и вообще, родители, может, в эти выходные ещё и не придут.

Но если приедут...?

«Давай играть, как будто мы дети подземелья», – предлагаю я.

«Это как?».

«Оденемся в грязную одежду, в волосы репейников напихаем. Лицо грязью намажем, палки возьмём и пойдём босиком по деревне. Будем к людям стучаться, они нас будут кормить.

Переночуем где-нибудь на сеновале и дальше пойдём. Люди детей любят. И липу можно будет не собирать. Никогда».

Сказано – сделано. «Бабушка, готово! – кричит Катька. – Мы в туалет и гулять!».

На самом деле, мы проносимся мимо туалета и забираемся на чердак. Тихо-тихо, чтобы не греметь и не топтать (бабушка в сенях услышит) подбираемся к мешкам со старой одеждой. Катька уже скинула платье. Через окошко пробивается солнечный луч; в нём золотятся пылинки и падают на Катьку. В потоке искр тоненькая Катька похожа на принцессу с другой планеты. Я засматриваюсь и ненадолго перестаю копаться в мешках.

«Давай быстрее, а то вдруг застукают!».

Мы достаём две пары брюк, их приходится закатать до половины. Толстые бублики у ступней мешают, но это ерунда, может, потом отрежем. Катьке даю жилетку, она ей до колен. Себе хватаю пиджак. Так, ещё вот эти шляпы; ремень мне, чтобы брюки не спадали; Катька верёвкой обойдётся. Ну-ка, а это что такое? Авоська? Пригодится. Вдруг нам кто даст еды с собой.

Мы быстро расплетаем косички, трясём головами, нахлобучиваем шляпы, смотрим друг на друга и еле удерживаемся от смеха. Осталось испачкать лицо. Я погружаю пальцы в толстый слой пыли на полу чердака. Так, теперь поплевать на ладошки, провести по щекам...

«Ну как?», – спрашиваю.

«Странно», – честно говорит Катька. – «И вид у тебя не очень голодный».

В ответ Катьке громко урчит живот.

«Ладно, пошли».

Через дальнюю калитку на огороде – чтобы бабушка не заметила – выбираемся на свободу. По дороге прихватываем парочку репейников. В волосы и на одежду.

Катька слепляет оставшиеся репейники в большой комок. «Смотри, – говорит, – какая штука получилась. Цеплялка для людей. Если с кем-то не хочешь расставаться, можно его раз – и прицепить к себе. Насовсем». Она протягивает руку и цепляется репейниковым комком за мой пиджак. «Вот так!».

Тихо, на улице никого. Похоже, обедают. Живот урчит снова.

«И теперь что?», – кажется, Катька уже не очень уверена в том, что я придумала классную игру.

«Теперь надо к кому-то постучаться и сказать «тётяшка, нам кушать хочется, подайте на пропитание».

«Но к кому? Нас тут все знают».

«Пойдём к бабе Нюре через улицу, она всё равно всех путает».

Баба Нюра и правда не знает деревенских детей по именам. Ко всем обращается как «милок». В магазин ходит редко, с соседями не общается. Самый безопасный вариант.

Я стучусь в дверь.

– БабНюр..., – начинает Катька.

– Тсс, – тыкаю её под рёбра я. – Тётянька, кушать хочется, подайте на пропитание».

– Сейчас, милок, сейчас, – баба Нюра ныряет обратно в избу. Давно хотелось посмотреть, что у неё там, но заходить как-то неудобно.

Она выносит горбушку хлеба и два яблока.

– Вот, родненькие, вот, кушайте.

– Спасибо, БабНюр! – Катька сдерживает смех.

Вдохновлённые успехом, мы закидываем хлеб с яблоками в авоську и стучимся в следующую избу.

К тому моменту, как мы доходим до конца улицы, у нас уже есть много хлеба, яблоки, печёная картошка, бутылка молока, две конфеты, луковица, огурец и сорок рублей. Пару горбушек мы уже сжевали; голод пропал. Хочется продолжать.

– Куда дальше пойдём? – спрашивает Катька

– Может, на другую улицу?

– Да ну, там одни дачники живут. Пошли в Хмельники.

– Ты что, это далеко. Давай тогда лучше в посёлок пойдём.

– В посёлке тебе никто ничего не даст. В квартиры звонить нехорошо.

– А мы песни будем петь на улице.

– Не буду я ничего петь. В Хмельники пошли.

– В посёлок.

– В Хмельники.

– В посёлок.

– В Хмельники!!!

Авоська с припасами летит в пыль. Мы топаем ногами и кричим друг на друга. Уже совершенно неважно, куда мы именно пойдём, важно быть главной, главной, гла...

Я вдруг понимаю, что мы зря выбрали для ссоры центральную деревенскую площадь. Потому что рядом с нами тихо стоит бабушка. В руке у неё крапива. На руке – перчатка.

«В Хмельники они, значит, собрались. В посёлок, значит. Через лес. Чтоб в болото провалиться. Чтоб вас волки съели. Ходят они, значит, попрошайничают. Позорят бабушку. Я вас что, не кормлю? Нет, вы скажите, я вас что, не кормлю? А ну быстро домой! Быстро, я сказала! А то сейчас как...», – бабушка замахивается крапивой.

То и дело озираясь на бабушку, мы под конвоем топаем домой. Надо же было умудриться. Так хорошо всё начиналось. Надо было соглашаться с Катькой, были бы уже в Хмельниках, никакая бабушка нас бы не нашла.

И только одно не может в этой истории не радовать. В наказание нам пришлось самим раскладывать липу на противни. Траву и листья мы втихаря выкинули. А что липа на противнях лежала очень уж тонким слоем... ну что тут поделаешь, бывает.

Влетело нам только за несостоявшийся побег. Душевные и телесные раны мы залечивали сухариками со вкусом холодца и копчёными кольцами кальмаров: на это как раз хватило денег, пожертвованных нам сердобольными жителями.

В конце лета, когда машина с включённым двигателем уже готова увезти Катьку в городскую жизнь, она протягивает ко мне руку со слепленным репейниковым комком и цепляет на мою жилетку, как медаль.

«Насовсем», – подмигивает Катька.

Про ягоды средней полосы

На десерт в деревне почти всегда ягоды.

Сначала жимолость. Единственный её куст, неприметный, с вытянутыми зелеными пипками ягод, будто и не ягоды вовсе.

Ходишь вокруг него, выглядываешь каждый день – не появилась ли сиреневая пыль на боках. Не разрослись ли эти туманности, проглядывают ли еще зелёные ягодные кончики, можно ли, можно...? И вот – утро, кружка заполнена жимолостью до краёв; сверху сахар и ты понимаешь, что июнь.

Потом клубника. Клубника и соседская сметана, тяжелая, жёлтая, начинаешь из банки выуживать её пальцем, ещё не дойдя до дома. Никто не ругается – к концу дня сметаны уже не будет, а клубника будет лезть из каждой грядки наглыми своими боками, срубишь одну голову – отрастает три, и вот сметана, сахар, клубника, повторить, ты уже не можешь, июнь бьёт жарой по вишням, голодные караси выпрыгивают из пруда и вдруг как-то утром выходишь – а на клубничных грядках остались только листья. Их лениво трогают лапой куры. Брезгают. Проходят дальше.

Потом смородина, чёрная. Десяток ягод сжевал непонятного недовинограда средней полосы, хватит.

Потом смородина красная.

Кусты росли прямо вдоль зеленого деревянного шелушащегося забора. Ухватишь гроздь и закинешь в рот, сжимаешь губы и стягиваешь со шпенька десяток ягод кислым красным взрывом. Июль, кислица, июль, озеро, июль и много книжек, и никакой школы навсегда-навсегда-навсегда.

Потом малина. Мы идём в лес, я, бабушка, Катька и кавказская овчарка Лана. Я еще не в состоянии отличать съедобного от несъедобного, а Лане просто лень, поэтому бабушка собирает ягоды: горсть – мне, горсть – Катьке, горсть – собаке. Справедливость.

Потом черника. Проклятье очкариков. Кто все эти люди, которые говорят, что вёдра съеденной в детстве черники вернули зрение всем ботаникам вроде меня – враньё! Зрение мне вернула лазерная коррекция в восемнадцать, спасибо, пап; но сколько вёдер черники было мне в детстве скормлено, как я протестовала, как мне снились в кошмарах её безглазые синие плоские головки; как обогатились на мне все окрестные ягодособиратели, которые в сезон черники выстраивались в очередь под нашей калиткой!

Потом клюква. Я в детстве никогда не видела, как она растёт. Дедушка говорил, пешком до болот три часа, я не дойду. Потому клюква была для меня самой редкой, самой ценной и самой любимой.

Ещё к клюкве часто прилагались ёжики, дедушка находил их по дороге и приносил к нам на участок, зная мою любовь к зверью. Ночью ёжики уходили обратно в лес. Я расстраивалась.

Воспоминания. Паззлы, которые делают нас – нами. Картинки домов, в которых мы жили детьми.

Запах трав и цветов, росших вокруг детской площадки. Скрежет, шуршание, шум и шорох тёплых гаражных крыш. Липкие почки деревьев, цеплявшихся на рюкзак. Выщербленные ступеньки музыкальной школы, пропахшие гуашью стены художки, гул голосов в холле спортшколы. Стук футбольного мяча и вкус газировки. Щёлканье прыгалок об асфальт и шуршание друг об друга пальцев, которые несколько часов рисовали мелками самых разных цветов. Ощущение гладкого или шербоного, холодного или тёплого, изрезанного ножом или свежесполированного школьного стола под локтями. Скрип двери кабинета математики. Щёлканье окошка паспортного стола. Каблуки и юбки в пыли многочасовых очередей на первый отборочный в театральном. Продавленность страниц с конспектами по биологии, литературе, сопромату. То, как колет в бок новенькая зачетка. Шнурки кроссовок, зацепившиеся за острые зубья эскалатора. Тёплые ладони любимых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.